

Джон и Йоко

фальшивые ноты

Сергей Банцер

Сергей Банцер

Джон и Йоко. Фальшивые ноты

«Издательские решения»

Банцер С. Г.

Джон и Йоко. Фальшивые ноты / С. Г. Банцер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935939-1

Этот роман является опытом представления в художественной форме содержания нескольких нон-фикшн первоисточников, повествующих о жизни участников группы «Битлз». Все данные, которые концептуально могли бы повлиять на формирование образов основных персонажей — Джона Леннона, Пола Маккартни и Йоко Оно, взяты из заслуживающих доверия первоисточников и воспроизводятся настолько близко к ним, насколько это позволяет форма беллетристики.

ISBN 978-5-44-935939-1

© Банцер С. Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Джон и Йоко. Фальшивые ноты

Сергей Георгиевич Банцер

*«Если вы достаточно долго
остаетесь в этом бизнесе, рано
или поздно он вас доконает»
Джон Леннон о рок-н-ролле*

© Сергей Георгиевич Банцер, 2018

ISBN 978-5-4493-5939-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все данные, которые концептуально могли бы повлиять на формирование образов основных персонажей – Джона Леннона, Пола Маккартни и Йоко Оно, взяты из заслуживающих доверия первоисточников и воспроизводятся настолько близко к ним, насколько это позволяет форма беллетристики.

Джон Леннон и Йоко Оно

Глава 1

Джон открыл глаза.

Впрочем, пробуждением это было назвать нельзя, потому что в последнее время граница между сном и бодрствованием у него стала совсем расплывчатой. Чтобы удерживаться в этом тонком слое, балансируя на грани, с одной стороны которой клубился сонный туман, а с другой поджидала цепкая реальность, требуется определённое умение. Ну, и определённые деньги. После того, как решением суда были разблокированы счёта Битлз, деньги у него были.

Джон поднял руку и нащупал шёлковый шнурок у изголовья своей огромной кровати чёрного дерева. Комната наполнилась мягким светом невидимых светильников. Из-за того, что окна были закрыты тяжёлыми шторами с золотым шитьём, изображающим японского дракона, Джон не знал, какое время суток сейчас за окном, да и есть ли там вообще жизнь. В последнее время он вообще стал не уверен, стоит ли эта жизнь того, чтобы что-то знать о ней.

Джон мог позволить себе особо не интересоваться всем тем, что происходит за стенами Дакоты. Из таких маленьких удовольствий теперь и состоит его личная жизнь, что так непохожа на ту, которая подобно рыночной торговке кривляется на разные голоса за толстыми стенами его жилища, выходящего окнами на Центральный парк.

Впрочем, таких удовольствий у него осталось совсем немного. Мармеладное желе на фарфоровом блюдечке, крепкий кофе и, конечно, сигарета по утрам. А с тех пор, как окончилось судебное разбирательство по иску Пола, и были разблокированы счета Beatles, утро у него теперь бывает, когда он захочет.

Правда временем года он управлять не может. Поэтому в Нью-Йорке сейчас лето. Самое поганое время года. Потому что летом сквозь толстые стены Дакоты в эту спальню проникает депрессия. Она проникает в его душу, сворачивается там кольцами и лежит до поры до времени. А потом лениво расправляет кольца и тогда спасение только в одном.

Джон не любит лето ещё за то, что оно хуже любой девки-динамистки. Целый год оно манит, что-то обещает, увлекает какими-то неясными надеждами... На что? Когда у тебя сто пятьдесят миллионов долларов на счету, и ты познал мировую славу – в какую сторону может меняться жизнь? Понятно, что только к худшему. Задача для слабоумных.

Ещё у него есть не то, чтобы мечта... А так, скорее фантазия, вполне безобидная. Он часто представлял себе лицо Йоко, обрамлённое чёрными волосами, заострившиеся в последнее время скулы, и в эту скулу он бьёт левым хуком. Почему-то только левым, и только хуком. Не апперкотом, не джебом, не свингом, а размашистым хуком. Представлять это почему-то доставляло ему удовольствие. Вместе с мармеладом, сигаретой и чашечкой кофе.

На тумбочке, стоящей у изголовья, мягкой трелью проворковал телефон. Джон повернулся на бок и снял трубку.

– Алло, – пробормотал он.

– Джон, – это я, – послышался из трубки резкий голос Йоко.

– С добрым утром, Йоко, – бесцветным голосом сказал Джон, стараясь не выпасть из сонного тумана.

– Сейчас девять часов вечера! Ты что, спал?

– Да, а что? Ты где?

– Я буду через полчаса. У меня есть новость. Мне в студию звонил Пол.

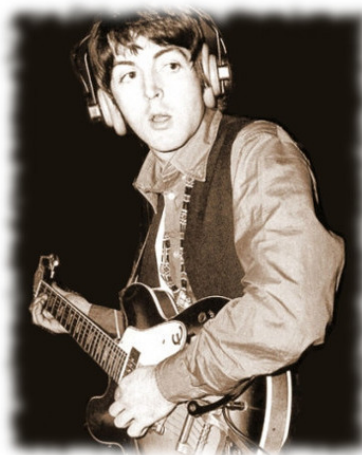
– Пол? – вырвалось у Джона, – что он хотел?

– Нам нужно поговорить, – сказала Йоко и повесила трубку.

Джон сел в кровати, взял с тумбочки пачку «Gitanes» и закурил. Через некоторое время он встал и нетвёрдой походкой прошлёпал к огромному сундуку с надписью «Ливерпуль», стоящему в ногах кровати. Открыв крышку, он долго разглядывал содержимое сундука, потом

извлёк оттуда гитару «Сардоникс» и подключил её к синтезатору. Затем он опять лёг в кровать, потушил сигарету о дно малахитовой пепельницы и, уставившись в потолок, взял несколько аккордов. Комната наполнилась космическими звуками, издаваемыми «Сардониксом».

Пол...

Пол Маккартни

Казалось, это было вчера, когда он повстречал румяного паренька в узеньких брюках и белой куртке с клапанами на карманах. Сколько ему тогда было? Шестнадцать. А Полу на два года меньше.

«Наконец-то я повстречал человека, который играет не хуже меня», – подумал тогда Джон. Хотя, если честно, то Пол уже тогда играл на гитаре лучше, чем он. С тех пор прошла целая жизнь, и кто знает, если бы он не пригласил тогда Пола в свою группу, как бы она сложилась эта жизнь...

В коридоре послышались стук каблуков и на пороге появилась Йоко. Макияж, который стоил целое состояние, не мог скрыть землистого цвета лица женщины за сорок, плотно сидящей на героине.

Она была в обтягивающих джинсах, туфлях на высоком каблуке и в синей рубашке с расстёгнутыми верхними пуговицами.

Джон сел в кровати и потянулся за сигаретами.

– Пол позвонил и сказал, что находится в отеле «Стенхоуп». Через два дня он вылетает в турне по Японии со своей группой «Wings».

– Он позвонил тебе, чтобы сказать только об этом? – спросил Джон, глубоко затянувшись сигаретным дымом.

– Нет, – ответила Йоко. – Он сказал, что разжился какой-то совершенно динамитной травкой. И предложил принести попробовать.

Йоко Оно

Джон окончательно вывалился из полусонного состояния в реальность. В глубине его души, где лежит самое сокровенное, о существовании которого часто не догадывается даже сам обладатель этой души, что-то шевельнулось. Сейчас он мог бы многим пожертвовать, только чтобы сегодня вечером выкурить с Полом по косячку. Возможно вспомнить о том, как они садились вперемежку с дешёвой аппаратурой в переполненный грузовичок Аллана Уильямса, который привёз их в Гамбург. Возможно, они просто помолчали бы.

Джон изучающе посмотрел на Йоко. Может быть он напрасно приводил её тогда на репетиции в студию на Эбби Роуд? Ведь они договорились с ребятами – никаких женщин на репетициях, а тем более, на записях. Может именно тогда он повернул не туда?

– Ну, и что ты ответила? – хрипловатым голосом спросил Джон.

– Я отказалась.

– Правильно сделала! – выдохнул Джон. – Ну, и что Пол?

– Он обиделся, – победно усмехнулась Йоко. – И чтобы отомстить мне сказал, что в Токио они с Линдой будут жить в императорском номере отеля «Окура». Он всегда ненавидел меня.

– Это тот самый номер, в котором останавливались мы прошлым летом? – спросил Джон, безразлично выпустив в потолок кольцо дыма.

– Да. Они собираются испортить нашу гостиничную карму!

– Ну, конечно! – воскликнул Джон, – Если они переночуют там хоть одну ночь, то перенесут туда свою карму!

– Да, – глаза Йоко заблестели от возбуждения. – Этот номер будет для нас потерян навсегда.

– Надо что-то предпринять, – сказал Джон. – Но что?

– Я посоветуюсь с Грином, – задумчиво сказала Йоко. – Он погадает нам на картах таро.

– С Грином? – Джон сощурил близорукие глаза.

– Да, он очень редко ошибается. Помнишь, он погадал нам перед покупкой картины Ренуара «Девушки на морском берегу»?

– Помню, – поморщился Джон, – я выложил за неё полмиллиона долларов. Не удивлюсь, если за то гадание продавец картины заплатил твоему Грину кругленькую сумму. Впрочем, делай, как считаешь нужным, – сказал Джон.

Когда Йоко ушла к себе, Джон ещё некоторое время сидел на кровати, потом встал, взял со спинки старого кресла из лозы спортивный костюм, сунул ноги в шлёпанцы и отправился в ванную. По дороге он увидел своё отражение в зеркале – худой длинноволосый субъект на тонких ногах с дряблыми мышцами.

Когда в шестьдесят пятом году какой-то журналист обозвал его «толстым Битлом», он так расстроился, что не смог забыть этого до сих пор. Поэтому Джон следил за своим питанием и каждое утро придирчиво измерял объём талии. В те редкие случаи, когда он выходил из Дакоты и спускался вниз по 72 стрит чтобы купить в киоске газету, прохожие его почти никогда не узнавали.

Сейчас, когда он был без своих обычных очков с синими стёклами, на него из глубины старинного итальянского зеркала смотрели глубоко посаженные беззащитные глаза. Нос с горбинкой, ещё более обозначившейся в последнее время, напоминал клюв диковинной птицы. Джон удовлетворённо хмыкнул и подмигнул своему отражению. Именно таким он представлял себе князя Мышкина из книги русского писателя с непроизносимой фамилией, которую он недавно прочёл.

В ванной Джон выдавил из тюбика зубную пасту, самую дорогую, которую можно было купить в Нью-Йорке, если, конечно, Фред не врёт. Фред работал у Леннонов уже год. Получив диплом журналиста в Сити-колледже, сейчас Фред мотался целый день по городу на своём зелёном Мерседесе, выполняя поручения Джона и Йоко.

А тогда, в детстве, тётя Мими, которой мать, найдя себе после развода нового мужчину, отдала четырёхлетнего Джона на воспитание, покупала самую дешёвую пасту. Мими следила, чтобы Джон не выдавливал на щётку слишком много, но, всё равно, паста быстро заканчивалась. Как ни давил Джон на тюбик, он не мог выдавить из него ничего.

Джон завершил умывание, надел спортивный костюм, круглые очки и двинулся обратно в свою спальню. По пути он задержался у Белой комнаты, вход в которую закрывала занавеска из колумбийских белых жемчужин. Шестьдесят пять тысяч долларов, заплаченных Йоко, безусловно стоят того, что эта занавеска защищает их дом от злых демонов. По крайней мере так сказал новый друг его жены и гадалка на картах таро мистер Грин.

Джон отодвинул занавеску и подошёл к роялю, стоявшему посреди комнаты.

Это был тот самый знаменитый белый рояль из «Imagine». Впрочем, в этой комнате было белым всё – толстый ковёр, покрывавший весь пол, белые стены, белый потолок, подсвеченный люминесцентными лампами с белым люминофором.

Открыв крышку, Джон сел за инструмент. Некоторое время он задумчиво перебирал бледными пальцами клавиши и брал аккорды – а вдруг он наткнётся на новую идею? Но, нет. Все звуки, все сочетания аккордов, извлекаемые им из рояля, были близнецами Imagin, альбома, которые многие считали лучшим в его сольной карьере.

Джон почувствовал, как в его груди снова зашевелил своими кольцами чёрный аспид депрессии. Последнее время так бывало всегда, когда ему не удавалось ничего сочинить. Совсем, как когда-то в детстве, когда он жил у тётушки Мими, он не мог ничего выдавить из пустого тюбика от зубной пасты. Как бы опять не пришлось лезть в сундук с надписью «Ливерпуль», на дне которого лежали спасительные конвертики с серым порошком.

Почему так?

Ведь совсем недавно было по-другому...

...Тогда его жена, которая всегда старательно писала легенду под названием «Джон и Йоко» решила написать новую главу. Она всегда решала всё сама, эта маленькая чернявая женщина, не получившая от природы и доли того, что получают длинноногие девчонки из ночных дискотек, и сумевшая взять всё это у жизни сама.

Тогда она сообщила ему, что им нужно пожить какое-то время отдельно. Но Йоко не была бы потомком самурайского рода, если бы не сказала перед этим своей секретарше, двадцатитрёхлетней китайке Мэй Пэн:

Мэй Пэн

– Все о'кей, Мэй. Я знаю, ты нравишься Джону. Если он попросит тебя составить ему компанию, тебе не следует отказываться.

Журналисты хорошо знают, что нужно американскому читателю. Чем глупее будет легенда о Йоко и Джоне, тем больше газет и журналов удастся продать. Так с лёгкой руки какого-то репортёра появился тот дурацкий слоган «Потерянный уикэнд».

– Я думаю, ты можешь начать прямо сегодня, когда отправишься в студию. Ни о чем не беспокойся, я сама обо всем позабочусь, – спокойно сказала Йоко, пристально глядя в глаза ничего не понимающей стройной секретарше, которая возвышалась над ней на целую голову.

На следующий день, когда Мэй и Джон оказались в лифте, он набросился на неё и стал целовать. Мэй с испугом отшатнулась, а он, задыхаясь проговорил:

– Я целый день ждал этого момента...

...Джон нервно захлопнул крышку рояля и безвольно опустил руки. Он всё ещё не знает, почему так? Почему в его тубике не осталось уже ничего?

А всё очень просто. Рядом с ним должен быть нужный человек. Детонатор. Только тогда он способен взрываться новыми музыкальными идеями, да так, что паста из тубика сама рвётся наружу, стоит только отвинтить колпачок.

Но сам он его отвинтить не может.

В конце «потерянного уикэнда» он выпустил альбом, который поднялся в топ американских хит-парадов. Такое у Джона было впервые, после того, как распались Битлз. На обложке альбома вместо привычных «Леннон-Маккартни», как и в «Imagine», стояло только его имя. Хотя... Было бы правильней, если бы рядом стояло имя Мэй Пэн. Джон знал это точно.

Так, как когда-то стояло имя Пола...

...А вот теперь Йоко заперлась в своей «Студии Один» с астрологом Грином и о чём-то там шепчутся. Они хотят уничтожить Пола.

Ну, что ж... Йоко всегда знала лучше, как правильно жить.

Джон Леннон и Йоко Оно

Глава 2

Свистя турбинами, «Боинг-747», следующий рейсом «Нью-Йорк-Токио» медленно выкатился на взлётную полосу международного аэропорта Джона Кеннеди. В салоне первого класса, расположенном на нижней палубе прямо под кабиной пилотов, расположилась чета Маккартни – Пол и Линда. Этим же рейсом в бизнес классе летели музыканты «Wings», а двенадцать тонн звуковой аппаратуры были отправлены чартерным рейсом на день раньше.

С последнее время отношения музыкантов «Wings» и Пола осложнились. Впрочем, они были непростыми всегда, из-за чего состав группы постоянно менялся. Рано или поздно кто-то из музыкантов группы начинал подсчитывать количество проданных пластинок «Wings» и сравнивать это со своими доходами. А недавно Дэнни, соавтор Пола по синглу «Mull Of Kintyre», который получил невиданный успех в Англии, предложил ему заключить отдельный договор по распределению прибыли от продаж сингла. Дэнни неплохой музыкант, но попробовал бы он продать хоть одну пластинку, если бы на ней не стояло имя Маккартни. Поэтому Пол тогда сказал ему:

– Я Пол Маккартни. И сочинять вместе со мной музыку уже должно быть счастьем для тебя, Дэнни.

Скоро им придётся расстаться, наверное, это турне по Японии их последние гастроли. Дэнни всё чаще презрительно отзывается о музыкальных способностях Линды и требует взять пианиста, который не тянул бы группу назад.

Боинг напрягся, задрожал на старте и, быстро набирая скорость, покатился по взлётной полосе. Через несколько секунд он оторвался от земли и взмыл в небо. Спустя четырнадцать часов он должен приземлиться в международном аэропорту Нарита, от которого три часа езды на автомобиле до центра Токио.

Наверное, Дэнни прав, музыкальные способности Линды оставляют желать лучшего. Но он не понимает простых вещей. Если Дэнни считает, что Пол работает сейчас по двенадцать часов в сутки, чтобы достичь какой-то новой вершины, то он ошибается. Просто, когда твой жизненный пик пришёлся на двадцать семь лет, и ты знаешь, что дальше могут быть только отдельные холмики, но в целом – только спуск, то есть, над чем подумать.

В общем, с этим нужно научиться жить.

Вот поэтому он и работает сейчас, как в дни Битлз. Тогда их музыкальный продюсер и кудесник «Эбби Роуд Студиос» Джордж Мартин, сам трудоголик, поражался энергии Пола.

Джордж Мартин

Пол не любил долгие перелёты через океан, когда нечем заняться и начинает одолевать скука. Хорошо, хоть рядом Линда. Дэнни считает, что она плохой клавишник. Ну, пусть считает. Дэнни хороший музыкант, и его вершина ещё впереди. А, может, и нет. Ведь Битлы тогда не выбирали себе вершин. Просто какая-то неведомая сила сама внесла их туда на своих крыльях. Может быть поэтому свою новую группу Пол назвал «Wings» – «Крылья». Но эти крылья уже не занесут его на новую вершину. Дай Бог, чтобы они тихо снесли его в долину.

Пол незаметно положил свою ладонь на руку Линды...

Пол и Линда Маккартни

...А ведь это только она остановила его на краю алкогольно-наркотической бездны, после того, как он в 1970-м году поставил свою подпись под судебным иском к трём остальным Битлам и отдал его своим адвокатам. А потом была эта затея с новой группой. Просто попытка вызвать дух Битлз, подобно тому, как Алладин вызывал духа, потирая старую лампу. Наверное, да. Но, разве можно вступить в одну реку дважды? Поэтому, кажется, прав Джон, который никогда не пытался повторить прошлого, и поэтому пользовался услугами студийных музыкантов.

Впрочем, когда-то и Пол пытался пойти по такому пути. Тогда он собрался записывать свой второй сольный альбом и поручил Линде подобрать ему пятерых лучших студийных музыкантов для исполнения партий фортепиано, бас-гитары, гитары и ударных. Линда обратилась к самому известному в Штатах студийному музыканту Дэвиду Спинозе.

– Я Линда Маккартни, – представилась она, набрав его номер телефона.

– Ну? В чем дело? – спросил Спиноза.

– Мой муж слышал о вас, – несколько смутилась Линда, отчего её британский акцент стал слышен ещё сильнее. – Он хочет с вами встретиться, поиграть и посмотреть, на что вы способны, потому что мы собираемся записывать новый альбом.

– Я студийный музыкант, – рявкнул Спиноза в ответ, – и нам незачем встречаться. Свяжитесь с моими агентами и зарезервируйте мои услуги. Позвоните на «Радио Реджистри» и скажите, что вам нужен Дэвид Спиноза с двух до пяти, с семи до десяти, какие нужны гитары – и я приду.

– Нет! Вы не понимаете! – закричала Линда. – Мой муж...

– Да что там стряслось с вашим мужем?! – заорал Спиноза.

– Понимаете, я звоню вам от имени моего мужа – Пола Маккартни!

– Так это значит, – прорычал Спиноза, – вы хотите устроить мне прослушивание?

В общем, хотя нью-йоркские студийные музыканты не знают, что такое прослушивание, так как вполне обоснованно считают себя самыми совершенными и всесторонними музыкантами в мире, но Спиноза всё-таки пришёл к Полу, приведя с собой Билли Лавойна, лучшего в Нью-Йорке студийного барабанщика.

– Я хочу вас прослушать, – сказал Пол, поздоровавшись за руку со Спинозой и Лавойном.

– Знаешь, Пол, – сказал Лавойн, – я слышал, что ты иногда играешь на ударных, может быть лучше ты сам сыграешь мне?

Пол никогда не был обидчив. Ведь обида это всего лишь капризное дитя комплекса неполноценности, не более. И они договорились со Спинозой. Он пригласил лучших студийных музыкантов и они записали тогда альбом «Ram», который стал золотым и платиновым в Англии. Но больше Пол к студийным музыкантам не обращался.

Совсем другое дело Джон. Похоже, он обожал работать со студийными продюсерами. Мир топовых музыкантов тесен, и поэтому Пол знал все подробности работы Джона с Филом Спектором во время пресловутого «Потерянного уикэнда». Спектор был не менее популярным студийным продюсером в Сан-Франциско, чем Спиноза в Нью-Йорке.

Первый раз он пришёл в студию, арендованную Джоном для записи нового альбома, с огромным ковбойским револьвером за поясом и в сопровождении бородатого телохранителя Майкла. Майкл был, пожалуй, единственным в мире телохранителем, в задачу которого входило защищать окружающих от своего работодателя. В общем, в тот период Джон здорово оттянулся вместе с Филом, друзьями-музыкантами и красоткой Мэй Пэн. Мэй была влюблена в Джона по уши и особо не расстраивалась от того, что Джон поколачивал её почти каждый день, особенно после того, как Спектор кроме гитар приносил с собой дозу амил-нитрита. А в конце прохода Спектор спёр все записанные в студии плёнки и вывез их в неизвестном направлении на грузовичке.

Пол тогда думал, что Джон разведётся с Йоко и женится на Мэй. Многие так думали.

Джон с Мэй Пэн

На обедах, которыми его потчивала Мэй, Джон тогда быстро набрал свой прежний вес и записал несколько синглов, которые возглавили американский хит-парад.

Но, нет. Они дошли с Мэй уже до того, что арендовали квартиру и обдумывали её обстановку, но потом Джон почему-то вернулся к Йоко, став ещё более странным. Злые языки говорили, что вернулся не без помощи придворного колдуна Йоко Сэма Грина, который подsunул Джону какого-то приворотного зелья.

Что связывает Пола с этим человеком? Какие невидимые нити, идущие от них, переплетаются где-то на небесах? Ведь они такие разные! И такие похожие.

Точно так же, как их жёны. Совсем разные, но... Что-то переплетается и у них. У Йоко, и у Линды это не первые замужества. И у Йоко и у Линды от предыдущих браков остались маленькие дочки – Киоко и Хитер. А Шён и Стелла, их дети в замужестве за Джоном и Полом, появились на свет с помощью кесарева сечения.

Много ещё чего до странности похожего в судьбах Джона и Пола Их матери трагически умерли молодыми почти в один год. Джону тогда было восемнадцать, а Полу шестнадцать. Джулия Леннон дала своему сыну совсем мало, разве что только жизнь и научила играть на бандже двупальцевым методом.

Тогда Джон быстро разглядел в Поле угрозу для своего лидерства и ещё в Ливерпуле предлагал расколоть группу, чтобы избавиться от Пола. Он был талантлив, сумасбродный Джон, но совсем плохой дипломат. И поэтому часто кричал Полу что-то типа:

– Запомни! Каким бы виртуозом ты ни был, ты – второй. Понял? Второй! Я – лидер этой группы!

Но все тогда были молоды, и Пол, и Джордж и Ринго. Поэтому никто особо не задумывался над словами, ни чужими, ни своими.

– Это только потому, что ты орешь громче всех! – смеялись битлы в ответ на крики Джона.

А Пол и не стремился стать лидером, хотя и всегда следил, чтобы его прибыль не была меньше, чем у Джона. Он просто сочинял музыку и работал над их новыми общими альбомами.

И ещё он точно знал, с какого момента начал рассыпаться Битлз. В тот самый день, когда Джон привёл в студию на Эбби Роуд Йоко Оно. Кажется, именно с этого момента Джон стал всё чаще оказываться в роли догоняющего.

С этого момента Пол стал почти физически ощущать на себе всё увеличивающуюся ненависть, исходившую от этой маленькой чернявой женщины с пронзительным взглядом раско- сых глаз.

Ещё в «Раббер соул» они с Джоном шли ноздря в ноздю. Пол написал тогда одну из своих лучших вещей – «Мишель». И Джон тут же ответил ничуть не худшей «Гёрл». Но уже в «Оркестре Клуба Одиноких Сердец» Джон начал терять очки.

Конечно же, у него и потом были вспышки, яркие, как и прежде, скажем, «Because» из «Эбби Роуд». Тогда в студии Джон взял гитару и напел эту вещь Мартину. Он делал так всегда, ведь нот они так и не выучили. Это был ничем не примечательный серый камешек, принесённый Джоном в студию, который засверкал бриллиантом после огранки Марином.

В этой вещи не было обычного для Битлз бэквокала – пели все трое. Да, тогда Мартин расписал партии трёх равноценных голосов – Джона, Пола и Джорджа. Так, как в «Because», они не пели, кажется, никогда. Сейчас Пол знал, что Мартин просто уже тогда чувствовал – «Эби Роуд» это их последняя работа.

Только зачем Джону понадобилось сочинять дурацкую байку о том, что он сочинил эту балладу, когда Йоко играла Лунную сонату Бетховена, да ещё задом наперёд?

Как-то, читая книгу Йоко Оно «Грейпфрут» Пол наткнулся на такой совет: «Перемешай свои мозги пенисом». Кажется, Джон прислушался к этому совету Йоко и проделал эту необычную медицинскую процедуру с блеском...

...Под убаюкивающий шум турбин Боинга Пол задремал, склонив голову на плечо Линды. Последней мыслью, перед тем, как его мозг погрузился в сон была:

«А, может он напрасно сказал вчера Йоко про динамитную травку?»

Но ведь ему так хотелось встретиться с Джоном, прийти к нему в Дакоту и просто посидеть. Без Линды. А такое случилось с ним, кажется, впервые со дня их свадьбы.

Йоко Оно, Джон Леннон и Пол Маккартни

Глава 3

Через три месяца Набухико исполнится шестьдесят пять и он выйдет на пенсию. А пока он стоял у окна, из которого открывался чудесный вид на одну из взлётно-посадочных полос международного аэропорта «Нарита», и смотрел, как взлетают самолёты. Система пожизненного найма, существующая в Японии на большинстве предприятий, позволяет служащим предпенсионного возраста именно так проводить большую часть своего рабочего времени. Глядя на них, молодые сотрудники видят, как компания в старости отплатит им добром за напряжённый и преданный труд в молодости.

На столе за спиной Набухико зазвонил телефон. Он оторвался от созерцания взлетающих самолётов и снял трубку. Звонила секретарша начальника таможенной службы аэропорта.

– Набухико-сан, вас хочет видеть господин Кавасаки, – сказала секретарша.

– Спасибо, Кэори-тян, – Набухико положил трубку и неспешно двинулся по направлению к кабинету начальника.

– Проходите, проходите, – радушно сказал Кавасаки, когда Набухико вошёл в дверь, предусмотрительно распахнутой перед ним Кэори. – Как здоровье Набухико?

Обращаться к собеседнику в третьем лице тоже было японским обычаем. Набухико поклонился официальным поклоном в тридцать градусов и ответил:

– Спасибо, Кавасаки-сан, хорошо.

– Я очень рад за вас, – сказал начальник. – Очень! Присаживайтесь, нам нужно поговорить. Обстоятельства, дорогой Набухико, складываются так, что вам придётся заступить завтра утром на дежурство. Вы готовы?

– Конечно, Кавасаки-сан, готов. А что случилось?

– Только что мне звонили из главного управления, – Кавасаки почтительно указал пальцем на потолок. – Завтра утром рейсом из Нью-Йорка на гастроли со своим ансамблем прилетает один из бывших Битлз Пол Маккартни. Есть основания считать, что он будет пытаться провезти с собой наркотики. Вы со своим колоссальным опытом, дорогой Набухико, должны воспрепятствовать этому. Поэтому вы должны заступить завтра на дежурство.

Общение японцев изобилует массой условностей, главная из которых – позволить собеседнику «сохранить лицо». Набухико прекрасно знал, почему начальник Кавасаки хочет, чтобы завтра дежурил именно он. Просто, если наркотиков не будет обнаружено, скорее всего эта рок-звезда устроит скандал. Набегут журналисты, которые завтра будут поджидать экс-битла в аэропорту, и имя Набухико в этом случае попадёт в газеты. Поэтому-то и ставят его, без пяти минут пенсионера, которому карьера уже не нужна. А слова Кавасаки о его колоссальном опыте – всего лишь возможность «сохранить лицо», которую он предоставляет своему подчинённому.

– Искать надо будет хорошо, Набухико, очень хорошо. Был сигнал, – Кавасаки округлил глаза и опять показал пальцем на потолок, – из самого верха, из министерства. Они собираются под это дело развернуть какую-то акцию по борьбе с наркотиками. С вами будет работать два видеооператора и кинолог со спаниелем. Себастьян последнее время показывает отличные результаты! В случае обнаружения наркотиков вам надлежит только нажать на кнопку. Всё остальное сделаем мы.

– Я прошу прощения, Кавасаки-сан, а в случае, если обнаружить наркотики не удастся? – спросил Набухико.

Кавасаки развёл руками.

– И обезьяна раз в год падает с дерева, дорогой Набухико. Извинитесь тогда, ну, как положено. Конечно, вам попадёт, не буду скрывать. Но я лично обещаю вам тогда бесплатную

путёвку в наш спортивно-восстановительный профилакторий. Позанимаетесь на тренажёрах, познакомитесь с массажистками.

– С массажистками?.. Мне шестьдесят четыре года, – неуверенно начал Набухико.

– Я тоже немолод, Набухико-сан, немолод... Помните, как там говорится:

*Стебли морской капусты.
Песок заскрипел на зубах...
И вспомнил я, что старею.*

Кавасаки откинулся в кресле и прикрыл морщинистые веки. Через некоторое время он сказал:

– Не беспокойтесь, дорогой Набухико, ваш возраст записан в вашей персональной карточке, и массажистки обязательно посмотрят в неё. Они отлично знают своё дело и всё учтут, как надо.

– Хорошо, Кавасаки-сан, я сделаю всё, что вы говорите.

– Не сомневался в вас, Набухико, не сомневался. А сейчас давайте выпьем чаю.

Кавасаки выдвинул ящик стола и нажал какую-то кнопку на пульте. Через минуту в кабинет вошла Кэори. Перед собой она катила никелированный столик с чайными принадлежностями.

Набухико засмотрелся на секретаршу начальника. Кэори типичная японская красавица – миниатюрная, беззащитная, с кукольным лицом, выражение которого европейцу показалось бы немного глуповатым. Такие девушки нравятся японским парням – рядом с ней каждый начинает чувствовать себя настоящим самураем. А глуповатое выражение – всего лишь дань японским традициям, Кэори появилась у них три года назад после окончания токийского университета. Секретарша поклонилась мужчинам, сложив руки внизу живота и вышла из кабинета.

– Вы знаете, Набухико, что Япония занимает второе место в мире по выплавке стали после Соединённых Штатов? – спросил Кавасаки, взяв из фарфоровой вазочки щепотку чая и бросив её себе в чашку. – При этом Япония в двадцать пять раз меньше Штатов, а вместо полезных ископаемых у нас тайфуны и землетрясения. Поэтому японцы не могут жить так, как живут американцы. Американцы любят пышные букеты из орхидей, а для нас нет ничего лучшего цветущей веточки сакуры. Как там говорят британцы:

*Что наша жизнь? Комедиант
Паясничавший полчаса на сцене
И тут же всеми позабытый*

А нам жизнь видится совсем не так:

*Что эта жизнь?
Дымок в небесной бездне,
Готовый каждый миг исчезнуть без следа...*

– «Sex, Drugs and Rock-n-Roll», это могут позволить себе американцы, но не мы, – продолжил Кавасаки. – Секс и рок-н-ролл – это пожалуйста, на здоровье. А вот наркотики – это для нашей страны смерть. Мы, конечно, не можем опустить железный занавес, как это сделали наши коммунистические соседи, у которых большинство людей всю жизнь даже не знают, как выглядит марихуана. Но бороться с этим мы должны. Японцы и так стали многое перенимать у американцев. Во время знакомства друг с другом у нас всегда было принято, чтобы девушка проявляла активность и старалась привлечь к себе внимание парня. Моя будущая жена, когда

решила познакомиться со мной, подошла и сказала, что принесла мне обед в пластмассовых коробках. А я стал называть её по имени только тогда, когда решил связать с ней свою жизнь и разделить судьбу. А нынешние парни совсем потеряли стыд. Кэори думает, я не вижу, как к ней бегают этот диспетчер со второго этажа.

– Вы подобрали себе красивую секретаршу, – сказал Набухико.

– Красивую? – недовольно хмыкнул Кавасаки. – Максимум через пару лет она выскочит замуж и проработает до первого декрета. А потом станет домохозяйкой и вернётся, когда её красота уже увянет. Ну, за работу, Набухико, завтра нас ожидает трудный день. Вы знаете, у этих парней из Битлз был такой альбом «Вечер трудного дня»? Кто знает, какой будет завтрашний вечер у нас, Набухико...

– Скорее, у меня, Кавасаки-сан.

– Не бойтесь, Набухико! Я буду мысленно с вами. Всё будет хорошо, вот увидите! Себастьян пролетает и вы нажмёте на свою кнопку.

Глава 4

Боинг-747, вылетев из аэропорта Джона Кеннеди в девять тридцать утра, совершил посадку в аэропорту Нарита в двенадцать двадцать по местному времени. За это время самолёт преодолел более десяти тысяч километров и сжёг шестьдесят пять тонн авиационного керосина. Все четырнадцать часов полёта Боинг убегал от солнца, встававшего позади него над пустынной синей гладью Тихого океана. После пересечения линии смены дат штурман Боинга сообщил об этом старшему стюарду и тот по внутренней трансляции оповестил пассажиров о том, что дату на своих часах нужно перевести вперёд на одни сутки...

...Первый раз Пол был в Японии четырнадцать лет назад во время гастролей Битлз. Тогда этого аэропорта, в котором они только что приземлились, ещё не было и их принимал старый аэропорт, расположенный почти в самом Токио. То было время, когда они все четверо взирали на остальной мир с пика своей славы. Но недаром это слово – «слава» так часто соседствует со словом «время», а часто и с ещё худшими словами. Тогда, прямо в аэропорту после прохождения таможенного досмотра и паспортного контроля к ним подошёл японец в штатском, показал удостоверение старшего офицера полиции и сообщил, что во избежание теракта по отношению к ним, японские власти намерены принять исключительные меры безопасности. Как оказалось в дальнейшем – это было тридцать тысяч вооружённых солдат, которые были выстроены вдоль всего пути от аэропорта до отеля в Токио. Вокруг самого отеля тоже было оцепление из полицейских и солдат.

А всё из-за того, что какая-то японская радикальная организация объявила о своём намерении зарезать всех четверых битлов за их выступление в «Ниппон-будокан», здании, которое считается священным. Каких либо неприятных инцидентов тогда удалось избежать, хотя кроме четырёх стен своих номеров Битлам не удалось увидеть в Японии ничего...

...Совсем другое дело сейчас.

Пол и Линда вошли в зал для получения ручной клади в приподнятом настроении. Наконец-то этот однообразный полёт с бесконечно встающим из-за океана солнцем, окончен. Через каких-то двадцать минут, согласно условиям райдера, их встретит представитель японского промоутера и доставит к лимузину. А там дальше приятная поездка к центру Токио, номер-люкс в лучшем японском отеле «Окура» и экзотический обед в ресторане. А потом их ожидает двое суток, необходимых для монтирования аппаратуры перед первым концертом. Пол и Линда смогут, наконец, как следует познакомиться с Токио. Конечно, такой славы, как тогда, четырнадцать лет назад, уже нет и в помине. Но денег у Пола больше сейчас. А Пол всегда умел считать деньги...

...Тогда кто только не кормился с их заработков. Удивительно, но меньше всех тянул на себя их менеджер Эпстайн, умерший в самый разгар их славы.

С тех пор Пол часто задавал себе этот вопрос – что это было? Суицид или случайная передозировка? Скорее всего ни то, ни другое. А закономерный конец живого существа, лишившегося по каким-то таинственным причинам своего жизненного стержня, без которого человек начинает гореть на невидимом глазами огне. И деньги, которые были у Эпстайна, только ускорили его конец. Что-то похожее Пол стал замечать последнее время и за Джоном. Может быть именно поэтому он позвонил ему в последний день перед отъездом из Штатов. Но трубку подняла Йоко. Кажется она сильно разозлилась в ответ на предложение Пола выкурить трубку мира. Он знал, какой злой может быть эта чернявая пигалица. Интересно, знал ли об этом Джон?

Размышляя об Эпстайне, Пол всегда вспоминал те страшные гастроли на Филиппинах, последовавших сразу после японских. Тогда, в Маниле, Эпстайн совершил грубую ошибку, отвергнув приглашение жены президента, а точнее, диктатора Филиппин, посетить званый приём, на который уже были приглашены сто самых влиятельных семейств страны.

В тот вечер по государственному каналу телевидения было объявлено о том, что Битлз нанесли оскорбление всей нации. Бедняга Эпстайн побежал в студию и чуть ли не на коленях выпрашивал прощение, но эта передача тогда так и не вышла в эфир. Тогда Пол был единственным из Битлз, кто открыто встал на сторону Эпстайна и сообщил об этом в интервью. Даже Джон, обычно никогда не лезший за словом в карман, сказал очень сдержанно:

– Нам бы хотелось узнать о вашей стране побольше. И прежде всего, как побыстрее отсюда смыться.

На следующее утро они добирались до аэропорта на каких-то жутких легковушках, нагруженные чемоданами, а командир экипажа голландского самолёта, вылетавшего из Манилы в Нью-Дели, до которого дозвонился Эпстайн, дожидался их до последнего. При входе в терминал их встретила беснующаяся толпа. Часть этих людей, в основном юные филиппинки, жаждали хотя бы прикоснуться к ним, а часть бросали тухлыми яйцами и норовили дотянуться сквозь кордон полицейских в красных сомбреро, чтобы побольнее ударить. Пол видел, как Эпстайна, который пытался прикрыть его собой, всё же сбили с ног и стали избивать. Ну, а он уже тогда был счастливым человеком, и ему одному удалось каким-то образом убежать от толпы, совершенно не пострадав.

После того, как они впятером наконец добрались до самолёта и заняли места в первом классе, по внутренней трансляции вдруг раздался металлический голос:

– Просьба мистеру Эпстайну покинуть самолёт.

Брайан тогда, видно, решил, что настал его последний час. Бледный, как мел, он повернулся к битлам, и, прохрипев: «Я вас всех любил», сгорбившись, пошёл к выходу.

Правда, тогда речь пошла только о деньгах. Внизу у трапа Эпстайна заставили подписать какой-то финансовый документ, по которым Битлз должны были выплатить неустойку, забрали половину наличных, которые они получили за два концерта и отпустили.

Да... Здорово они тогда перепугались. Так, что, ожидая в Нью-Дели пересадку на лондонский самолёт, посоветовались вчетвером и сообщили Эпстайну об окончании гастрольной деятельности Битлз.

Брайан Эпстайн

Кажется, вот тогда и сломался Эпстайн. Он был хорошим гастрольным менеджером, но понял, что в студии станет никому не нужным, и его заменит продюсер-музыкант. Таким человеком действительно стал на многие последующие годы Джордж Мартин – «пятый битл». Хотя Джон называл «пятым битлом» именно Эпстайна.

Пол поёжился. Не очень-то приятные воспоминания. От этих узкоглазых азиатских парней, которые все почему-то на одно лицо, никогда не знаешь, чего ожидать. С девушками всегда было как-то проще, даже тогда в Филиппинах. Похожие на большеголовых фарфоровых кукол, все они дышали восточной экзотикой. Но после прохождения определённого рубежа, удивительно мало отличались от английских и американских девушек, которые всегда были счастливы переспать с кем-нибудь из Битлз. Разве что восточная экзотика вдруг сменялась трогательным прагматизмом в финансовых расчётах...

... Вот и сейчас этот узкоглазый пожилой таможенник за стойкой с светящейся цифрой «7» почему-то странно смотрит на них с Линдой. И какая-то собака, которую держит за поводок неприятный тип в униформе.

– Вы провозите что-либо запрещённое к ввозу в Японию? – спросил пожилой таможенник по-английски, пристально вглядываясь в Пола.

– Нет, – как можно безразличнее ответил Пол.

– Порнографическую литературу, огнестрельное оружие, обоюдоострые мечи? – продолжал выпытывать таможенник.

– Нет, нет, – пожал плечами Пол, – ничего такого, никаких обоюдоострых мечей, что вы.

– Попрошу открыть для досмотра ваши чемоданы, – сказал таможенник.

Пол молча отстегнул застёжки и открыл чемоданы.

Тип в униформе что-то тихо сказал собаке, Полу показалось, что слова были почему-то на немецком языке. Спаниель шоколадного цвета безразлично переступая лапами подошёл к чемоданам, и, как бы выполняя необходимую, но бессмысленную, с его точки зрения работу, принялся. Потом он отвернулся от чемоданов, и стал рассматривать Линду. Кинолог, державший собаку за поводок, глядя на таможенника, неуловимо повёл глазами вправо-влево.

– Можете закрыть чемоданы, – сказал таможенник.

– Мы можем идти? – спросил Пол.

– Да, я сейчас только сделаю отметку в вашей таможенной декларации.

Тем временем кинолог присел рядом со спаниелем и опять стал что-то говорить ему. Обострённым музыкальным слухом Пол услышал, как он обращался к собаке, перемежая немецкие и японские слова, называя спаниеля Себастьяном.

После слов кинолога Себастьян неохотно встал, подошёл к Линде и, сев перед ней на задние лапы, нагло уставился ей прямо в глаза. Пожилой таможенник, перестав писать, внимательно посмотрел сначала на спаниеля, а потом на кинолога. И тут Себастьян, не отводя глаз от Линды, стал подвывать. Сначала тихонько, потом всё отчётливее.

– Какая хорошая собачка, – хихикнула Линда. – Я тебе понравилась, да? Как тебя зовут?

Себастьян, однако, вместо того, чтобы ответить, как его зовут, вдруг, не отводя взгляда от Линды, громко гавкнул. Таможенник бросил взгляд на кинолога и тот едва заметно кивнул ему.

В этот момент, как из под земли, вдруг появились два оператора с видеокамерами. Они, как по команде, направили объективы своих камер – один на Линду, другой на таможенника.

– Миссис, я попрошу вас предъявить для досмотра вашу сумочку, – сказал таможенник, протягивая руку.

Линда тревожно посмотрела на Пола. Один из операторов мгновенно развернулся и направил объектив на него.

– Простите, я жду, миссис, – вежливо, но твёрдо сказал таможенник.

Линда медленно, как сомнамбула, сняла с плеча сумочку.

– Откройте, пожалуйста, сумочку для досмотра.

Линда опять беспомощно посмотрела на мужа и медленно, как во сне, открыла сумочку. В ней среди дамских предметов первой необходимости лежало шесть маленьких конвертиков с каким-то порошком.

Оба оператора буквально влезли своими объективами в раскрытую сумочку.

– Это ваше? – спросил таможенник, отеснив операторов и подцепив коричневый квадратик вынутым из нагрудного кармана пинцетом.

Линда молчала, опустив глаза.

– Миссис, ответьте, пожалуйста на мой вопрос – это ваше?

– Нет, – раздался вдруг резкий голос Пола. – Нет, это моё.

Операторы, как хорошо отлаженный шарнирный механизм, синхронно повернулись к нему.

– Вы подтверждаете, что это ваше? – уточнил таможенник.

– Да, – ответил Пол, – моё.

– Один момент, миссис, – сказал вдруг кинолог, – разрешите?

Он взял у Линды сумочку и, присев, раскрыл её перед мордой Себастьяна. Себастьян жадно повёл ноздрями и опять громко заскулил.

– Зер гут, Себастьян, – зер гут, – тихо похвалил его кинолог и отдал сумочку таможеннику, незаметно опять кивнув ему.

Набухико незаметно нажал ногой на секретную кнопку. В комнате дежурного наряда полиции раздался резкий звонок и на табло под цифрой «7» замигала красная лампочка. Старший наряда поднял трубку прямого телефона.

– Господин Кавасаки, – сказал он, когда на другом конце провода сняли трубку, – от стойки номер семь таможенного контроля поступил сигнал.

Кавасаки откинулся в своём кресле и прикрыл глаза.

– Ну, что, господин Кавасаки-сан? – участливо спросил его худощавый субъект, сидевший напротив и до этого шумно прихлёбывавший чай.

– Всё в порядке, Миягава, всё в порядке. Он пытался ввезти в нашу страну наркотики. Можете спускать на него свою свору. Сейчас его поведут через зал в полицейскую машину.

– В наручниках? – осведомился Миягава, – как договаривались? В вечерние газеты нужен именно такой ракурс, в министерстве мы всё согласовали.

– Да, да, – поморщился Кавасаки, – всё, согласно вчерашним указаниям. Всё.

Когда Миягава вышел из кабинета, Кавасаки выдвинул из ящика пульт и нажал кнопку. На пороге, почтительно склонившись и сложив руки внизу живота, появилась Кэори.

– Кэори, вам нравится Битлз? – спросил Кавасаки, подняв на неё усталый взгляд.

– О, да, – закивала Кэори, – конечно.

– А вы знаете, что к нам на гастроли со своей группой приехал один их бывших битлов – Поль Маккартни?

– Конечно, господин Кавасаки-сан, знаю.

– И вы купили уже билет на их концерт, да?

– Да, на послезавтра. Это будет их первый концерт в Токио.

– Сегодняшним рейсом из Нью-Йорка этот человек пытался ввезти в Японию наркотики, – сказал Кавасаки. – И мы его поймали. Что скажете, Кэори?

– Так что же... – Кэори растерянно уставилась на шефа, – теперь, значит что... концерта не будет?

– Боюсь, что да, Кэори. Вам немножко не повезло, сожалею...

– Быть может, он не знал? – криво улыбнулась девушка, – у них в Штатах к этому относятся не так, как у нас.

– Вот именно, в Штатах! А вы японка! Он американец. Или англичанин, может быть, какая разница! Если мы будем похожи на них... – Кавасаки махнул рукой, – если наши девушки

будут стремиться быть такими, как американские девушки, то... Япония просто перестанет существовать. Наша великая и древняя нация просто исчезнет, причём очень быстро. Так происходит сейчас со многими странами, которые пытаются брать пример со Штатов. Поймите это, – вдруг совсем тихо добавил Кавасаки, – поймите, Кэори-тян.

– Да, господин Кавасаки-сан, это так, – ответила Кэори и поклонилась начальнику. – Конечно же, это так.

Когда секретарша вышла из кабинета, Кавасаки вынул из нижнего ящика стола магнитофон и вставил в него кассету. Эти волосатые наркоманы не стоят и одного ноготка Эми и Юми¹! Кавасаки надел наушники и нажал на клавишу. Две юные японки запели о своих первых в жизни каникулах любви:

*Томэики-но дэру ё на
Аната-но кюти дзу кэни*

¹ В США и Европе известны как дуэт Дза Пинац

Глава 5

Подчиняясь сигналу невидимого таймера, светильники, вмонтированные в покрытый белым ковром пол спальни, мягко засветились жёлтым светом. Йоко откинула стёганое атласное одеяло и села на краю огромной кровати. Во рту и желудке у неё было такое ощущение, как будто она всю ночь сосала медную ручку от дверного замка своей спальни.

Похоже, что в этом нелепом супермаркете под названием жизнь одним можно хапать всё, что подворачивается под руку, а другим нужно платить за каждую мелочь. И сегодняшнее утро, кажется, является одним из таких взносов, которые она должна внести в кассу жестокого супермаркета, где скурпулёзно подсчитывается баланс каждого из живущих.

Но главное, конечно, не это. Сейчас у Йоко в голове помещалась только одна мысль. Эта мысль, заняв весь объём мозга, ворочалась там, словно жирная навозная муха, не оставляя места другим мыслям.

Йоко сняла ночную рубашку и швырнула её на кресло, стоявшее рядом с кроватью. Сунув ноги в мягкие тапочки, она прошла в туалетную комнату. Здесь все устройства – биде, сливной бачок, раковина умывальника и даже вешалка для полотенец были изготовлены из настоящего розового китайского фарфора. Когда Йоко вошла в комнату, таким же мягким розовым светом зажглись светильники, плавно погаснув, когда она вышла.

В матовой глубине огромного венецианского зеркала, висевшего в ванной, Йоко увидела своё отражение – обнажённое тело сорокасемилетней женщины. На обрамлённом растрёпанными волосами бледном лице, глядевшем на неё из зеркала, чёрными агатами горели глаза. Низ живота пересекал розовый рубец – след от кесарева сечения, которому их с Джоном сын был обязан своим рождением. Её свисающие груди, немаленькие для её комплекции, но не поддерживаемые лифчиком, тоже не прибавляли её облику женской красоты.

Йоко вздохнула. Вот с таким активом ей приходится удерживать возле себя, наверное, самого желанного мужчину из живущих на земном шаре. Это, пожалуй, посложнее, чем вертеть на палочках десять тарелочек, стоя на бочках, как это делал жонглёр в цирке её детства.

Хотя, своим обострённым женским чутьём Йоко чувствовала, что вскоре в их с Джоном жизни что-то должно случиться. Что-то неизбежное и очень плохое.

Йоко подошла к креслу и разыскала валявшиеся там трусы и лифчик. Нужно успеть одеться к приходу Кита. Торопливо натянув джинсы и чёрную рубашку, которую она носила уже вторую неделю, Йоко вновь подумала:

«Ну, когда же придёт Кит?..»

Это и была та жирная навозная муха, которая ворочалась у неё в голове с того самого момента, когда она проснулась.

За минувшие годы Йоко привыкла доверять только самой себе. Конечно, это делает людей немного одинокими, но, что поделать, если в супермаркете нужно платить за каждую мелочь. Её одиночество это и есть та самая плата за свободу.

Если разобраться, то Джон тоже одинок. Очень одинок. Кроме неё у Джона никого нет. Он сам говорил ей это много раз.

Впрочем, всё же у неё есть помощник – мистер Грин, её личный секретарь с окладом две с половиной тысячи в неделю и большой знаток снадобий для разных случаев жизни. Вот и сегодня они проговорили с ним в её кабинете почти до рассвета. Кажется ей предоставляется возможность доказать, что тогда, в студии она не шутила...

...В тот день Джон, обсуждая контракт на совместный с Йоко альбом «Double Fantasy», сказал президенту «Коламбия рекордз»:

– Я не соглашусь получать ни пенни меньше, чем получил Пол или этот сукин сын.

«Сукин сын» это Джон сказал так про Мика Джаггера.

Джон Леннон и Мик Джаггер

И Йоко вдруг воскликнула:

– Я уничтожу Пола!

Джон недоуменно посмотрел на неё и криво усмехнулся, как бы извиняясь за жену. А контракт они тогда так и не подписали. Президент отказался, узнав, что половина песен в альбоме будет принадлежать Йоко. Что ж, и ему она докажет... Что-что, а доказывать у неё пока получается...

...Сегодня ночью она так и сказала Грину:

– Ты должен мне помочь уничтожить Пола.

Грин по своему обыкновению заверил Йоко, что путём произнесения особого заговора он наведёт на Пола порчу и гастроли в Японии вылезут ему боком. Но с тех пор, как бухгалтер Йоко мистер Депалма показал ей каталог с истинной стоимостью картины Ренуара, которая была в два раза ниже, чем та, за которую приобрела её Йоко по результатам гадания мистера Грина на картах таро, она стала относиться к нему с подозрением.

– Хорошо. Но этого мало, – сказала она Грину. – У меня остались кое-какие связи в Японии. Тебе нужно будет только позвонить и сообщить по номеру телефона, который я тебе дам, какого числа и каким рейсом Пол будет провозить наркотики...

...В дверь позвонили. Йоко надела солнечные очки, закрывавшие пол лица, и пошла открывать.

На пороге стоял Кит. Он молча протянул ей пакетик из алюминиевой фольги. Йоко выхватила его у него из рук и быстрыми шагами скрылась в ванной. Кит снял обувь, осторожно прошёл в кабинет Йоко с табличкой «Студия один» и уселся на обитый белой кожей диван.

Через пять минут в кабинет вошла Йоко. Она выдвинула ящик огромного письменного стола из красного дерева и вынула оттуда толстую пачку новеньких стодолларовых купюр. Отсчитав восемь из них, Йоко протянула деньги Киту.

Лицо её ещё сильнее побледнело, а зрачки и вовсе превратились в чёрные дыры. Киту почему-то вспомнились слова из песни Пинк Флойд, уже потихоньку вытеснявших из памяти молодого поколения бывшую славу Битлз:

*Now there's a look in your eyes
Like black holes in the sky
Shine on, you crazy diamond!*

*Теперь в твоих глазах выражение,
Похожее на черные дыры в небе.
Сияй, безумный бриллиант!*

«Сияй, безумный бриллиант» – эти слова были обращены к бывшему лидеру Пинк Флойд Сиду Баррету, сгубившему себя героином.

Сид Баррет

Кит взглянул на Йоко и подумал, что на «сияющий безумный бриллиант» эта женщина никак не тянет. И даже на драгоценную оправу к такому бриллианту, которым был её муж, тоже не тянет. Обычная азиатка за сорок, к тому же, кажется, не очень следящая за собой. То ли дело бразильская красавица Бьянка, жена Мика Джаггера! Но и он, кажется, уже разводится с ней.

– Ты несчастен, Кит... – вдруг сказала Йоко.

То ли утверждение, то ли вопрос...

Несчастен? Кит берёт «китайский снежок» у оптовика по пятьсот долларов, а продаёт Йоко по семьсот пятьдесят. Да ещё получает пятьдесят на чай. И так два раза в неделю. Он уже присмотрел в салоне недорогой японский автомобиль.

– Да, несчастен, миссис, – на всякий случай сказал Кит.

– Не горюй. И я несчастна... – склонив голову, так, что чёрные волосы совсем закрыли её лицо, тихо сказала Йоко. – А ты знаешь, что все люди делятся на тех кто несчастен, и тех, кто очень несчастен?

– Да, – так же тихо произнёс Кит.

– Иди...

Кит встал и пошёл к двери.

– Джон не должен ничего знать, – бросила ему Йоко вслед.

Глава 6

Кавалер Ордена Британской империи сэра Пол Маккартни ворочался на тонком матрасе в бетонной камере токийской тюрьмы и не мог уснуть. Лететь четырнадцать часов над Тихим океаном, чтобы попасть в эту камеру?.. А ещё по пути доставить радость репортёрам, разнесших по всему миру фотографию, на которой японские копы ведут его в аэропорту в наручниках.

И после этого его ещё называют счастливымчиком...

Пол отодрал со стены камеры кусочек штукатурки. Таким образом он ведёт счёт дням. Всего, судя по отодранным кусочкам, он находится здесь уже третьи сутки. И всё это время с ним творится что-то странное. Он не мог спать, в его голове беспрестанно звучали какие-то куски музыки, всё это напоминало лёгкое помешательство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.